да хрен, да черной чашник Ефрем» — как в пословице «Ефрем любит хрен» (Симони. Старинные сборники русских пословиц..., СПб., 1899, стр. 99, № 849); «крылоски люди живут небогато, нажитку не имеют, только у них плошки да лошки», рассказывает «Калязинская челобитная», вслед за пословицей «Животы у старца толка плошка да лошка» (там же № 938); архимандрит Гавриил, по словам челобитной, «сам во нраве своем един живет да з горя сухой хлеб жует, мед весь перекис, а он воду пьет», ср. пословицу «Разорение монастырю — квас густ, а игумен воду пьет» (там же № 620). Возможно, что поп «с Покровки» назван в челобитной «Колотило» не без воздействия пословицы «Живи Колотило за рекою, а к нам ни ногою» (№ 1005). В том же пословичном стиле построен и еще ряд выражений в «Калязинской челобитной», как напр., «за плечами тело нужно, а под шелепами лежать душно», «за плечами кожа вертитца, от того и ночью не спитца», «честь нам у него была добра, во всю спину ровна» и т. д.

Вся челобитная написана просторечием, ничем не напоминающим книжный литературный язык московской литературы второй половины XVII в. Этот язык, без славянизмов, живой и образный, с простым синтаксисом роднит «Калязинскую челобитную» с группой памятников того же времени, объединенных, кроме стиля, и своим критическим отношением к разным сторонам тогдашнего быта и государственного строя, в том числе и к пьянству. Это просторечие, как мы видели на ряде других памятников, проникало в литературу скорее всего через посадское население. Здесь во второй половине XVII в. постоянно бродило недовольство, протест прорывался иногда резкими вспышками, иногда же выражался лишь литературной сатирой. Автор «Калязинской челобитной», видимо, и вышел из этих критически настроенных слоев. Если в его языке и можно найти какую-либо профессиональную окраску, то это скорее всего отголоски языка деловых документов, которым должен был хорошо владеть автор, принадлежавший к младшим служащим — приказным, подьячим. Возможно, что в этом сословии, откуда между прочим направлялись надзиратели за монастырским хозяйством в некоторые монастыри, и зародилась сатира, обнаруживающая близкое знакомство автора со всеми секретами монастырского быта. В частности, автор знает и подробности, касающиеся собственно Калязина монастыря, имена его архимандрита и современного ему архиепископа, даты их управления монастырем, помнит моровую язву 1654 г., памятную этому монастырю. Видимо, в этом монастыре он жил. Знает он и Москву. Может быть, он действительно был одним из таких надзира-